

18+ ГАЛИНА ВОЛЬСКАЯ

ВРЕМЕНА *не выбирают*



Галина Вольская
Времена не выбирают.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73262498
ISBN 9785006062771*

Аннотация

В сборник вошли рассказы, воспоминания, зарисовки, а также размышления и фантазии, относящиеся к периоду около семидесяти лет на стыке двадцатого и двадцать первого веков. Жизнь людей из самого многочисленного послевоенного поколения в небольшом волжском городе, на чью долю выпало: оттепель, застой, перестройка и то, что можно, вероятно, назвать новым капитализмом.

Содержание

Дневники	5
Брат и сестра	8
Бабушка	39
Пройду!	44
Радоваться всему	45
Ты же девочка!	47
А что скажут люди?	49
Хорошо!	52
Хочу танцевать!	55
Чистота	60
Фамильный облик	64
Хлеб	66
Зачем ты вернулась?	69
День учителя	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Времена не выбирают

Сборник рассказов

Галина Вольская

Фотограф Сергей Мещеряков

© Галина Вольская, 2026

© Сергей Мещеряков, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0060-6277-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневники

Первый дневник появился у меня в пятнадцать лет, когда вдруг захотелось поговорить с собой, разобраться в своих чувствах. Первые неумелые записи, перечитывая которые, часто хотелось все зачеркнуть и посмеяться над собой, удивляясь своей глупости. Порой перечеркивала, замарывала, писала наискосок: «Как глупо!» Потом перестала, пусть остается все, как есть, я же пишу для себя, а не для кого-то другого. Записывала в дневники понравившиеся отрывки из книг, афоризмы, строчки из песен и стихов. Постепенно дневники стали для меня необходимостью, только им я могла доверить свои самые сокровенные мысли, рассказать о поступках, за которые я осуждала себя сама. Здесь я выплескивала свою боль, горечь, разочарования. Записи о счастливых днях встречались реже – зачем писать, когда все хорошо, надо просто радоваться и делиться своей радостью с людьми. Делиться горем я не любила, у каждого хватает своих проблем. Мне, кстати, часто рассказывали о проблемах другие, я старалась внимательно выслушать и посочувствовать.

Первые строчки были очень корявые, выразить свои чувства на бумаге не так-то легко, не всегда находятся нужные слова. Не сразу я начала обращать внимание на бесконечные «было», «сказал», «пошел». Какая разница, как написано, главное о чем! Но желание когда-нибудь опубликовать

свои заметки, поделиться жизненным опытом все-таки было. Тем более, опыт этот оказался нелегким, пережить пришлось много. Был период долгого молчания, когда я, находясь в тяжелой депрессии, не писала ничего. Это период длиной около года отразился в дневнике одной короткой цитатой: «ЧЕЛОВЕК, ПОМОГИ СЕБЕ САМ!»

И снова возвращение к жизни, новые увлечения, разочарования, ошибки. У меня не складывалась личная жизнь, двое моих сыновей росли без отцов, и появилась необходимость рассказать им, почему так произошло. Первую свою повесть я писала для старшего сына, используя дневниковые записи. Повесть называлась «Тебе, мой сын», эпиграфом к ней были строчки из стихотворения Вероники Тушновой:

А мне говорят —
нету такой любви,
а мне говорят —
как все, так и ты живи.

.....

А я никому души
не дам затушить.
А я и живу, как все...
когда-нибудь будут жить.

Началась перестройка. Чтобы выжить и поднять сыновей мне приходилось работать на двух работах по десять — двенадцать часов. Дневники я не оставила, но надежда ко-

гда-нибудь опубликовать свои записи постепенно исчезала. Я плохо себя чувствовала, сильные перегрузки сказывались на здоровье. Сколько мне еще осталось? Год? Два? А сыновья совершенно не интересуются литературой, скорее всего мои записи будут просто выкинуты, забыты. Тогда я решила отдать первые двадцать тетрадок профессиональному писателю для использования в качестве материала. Отдавала не из рук в руки, через свою сотрудницу с просьбой потом вернуть. Сотрудница впоследствии уволилась, уехала, связь с ней потерялась, дневники не были возвращены.

А я на свое удивление пережила перестройку, стала пенсионеркой, у меня появилась возможность заняться литературной деятельностью, о которой я мечтала всю жизнь. Дневники я продолжаю писать, количество тетрадок приблизилось уже к восьмидесяти. Но тех первых двадцати тетрадок, где описана моя молодость, мне сильно не хватает. Да, я помню почти все, но как порой хочется перелистать знакомые страницы, всмотреться в написанные разными чернилами строчки! Сейчас я знаю, что писателя, которому я передавала свои тетрадки, уже нет в живых. Возможно, нет и тетрадок, или они валяются где-то на чердаке среди ненужного хлама. Самую большую ценность они представляют только для меня, в них же частица моей души. И некоторые цитаты из самых любимых произведений не всегда удастся найти и восстановить.

Брат и сестра

Слава был первым послевоенным ребенком в этой семье. Не то, чтобы его очень ждали и хотели, времена тяжелые, голод, так уж получилось. А он родился таким хорошеньким, пухлым, кудрявым, светлоглазым. В семье его отца все дети рождались с волосами, лохматые. Все наперебой с ним нянчились, купали, взвешивали, ходили с ним гулять. Но вскоре появилась еще Светка. Ее никто не ждал и не хотел, а Слава больше всех. Теперь все нянчатся не только с ним, да еще кладут ее постоянно на его кровать. Слава упорно тянет кровать на себя, старается перевернуть.

– Что ты хочешь сделать?

– Убить ее!

– Отдашь ее нам?

– Забирайте!

Она тоже лохматая. Но волосы у нее длинные, черные, прямые, большие коричневые глаза. Отец называет ее Бусиной. А она таращит эти свои бусины и тянется ручонками к брату. Обнимает!

– Отдашь нам Свету?

– Нет, оказывается, она хорошая.

Она уже встает, топает к нему, с ней можно играть.

Родители вечно чем-то заняты, дети растут и все чаще

остаются вдвоем. Светка бежит вместе со Славой в стайке пацанов, принимает участие в их мальчишеских играх. Зимой они строят снежные крепости, сражаются за них. Летом почти все дни проводят на Волге. Слава уже научился плавать, а Света нет, ее без него не пускают. Она упрашивает его пойти на Волгу, он соглашается не сразу, дает себя уговаривать, «держит марку». Иногда мальчишки не хотят брать с собой Светку в очередную поездку на велосипедах:

– Тебе туда нельзя! Ты – девчонка!

– Ну, возьмите!

Берут, везут ее по очереди на багажниках велосипедов, велосипед у них со Славой один на двоих. Слава всегда командир во всех их походах. И, конечно, начальник «штаба», который они устроили в старом пустующем курятнике. Придумали свой устав, составили список участников, каждый поставил свой отпечаток кровью, кольнув палец иголкой. В штабе у них есть столик, полка с книжками. Книги можно взять почитать домой, записав в журнал, как в библиотеке. Книг у Славы и Светы много, они делятся ими с друзьями. А сами иногда дерутся из-за какой-нибудь книжки, которую начинают читать одновременно оба.

– Ну и что ты читаешь этого «Всадника без головы»? Все равно Мориса Джеральда повесят!

Светка забрасывает книжку и не прикасается к ней до тех пор, пока брат не заверит ее, что Морис останется жив.

Герои книг и кинофильмов становятся героями игр Славы и Светы. Определяет все, конечно, Слава. Они скачут на повернутых вперед спинками стульях, изображающих коней. Слава – Василий Чапаев, а Света – почему-то Иван Сусанин. Что сделал Сусанин, Света не очень-то интересуется. Выясняется, что он вообще старик, кого-то куда-то завел, но это уже не имеет значения. Светке не всегда нравились воинственные игры брата, но не заставишь же Славу играть в куклы. Играть в «больничку» родители запрещают, но дети все равно играют в каких-нибудь сараях, на чердаках. Делают друг другу уколы швейными иглами, назначают процедуры.

Еще они организовали «Общество юных садоводов». Вырезали себе картонные значки с буквами ЮС, прицепили к одежде. Лазили по оврагам, находили всходы полезных растений и пересаживали их на небольшой участок за сараем, поливали эти растения. Соседка за забором возмущалась, кричала, что они заливают ее погреб. Но она постоянно кричит на детей и на своего внука, никто не обращает внимания на вздорную старуху. А внук просится в их общество, но его не берут.

У ребят часто живут разные животные: собачонка Тузи-ха (назвали Тузиком, а он вдруг ошенился) с периодически появляющимися щенками, выпавший из гнезда голубенок, ежики, коршун с поврежденным крылом. Птицы выраста-

ли, улетали на весь день, но к вечеру возвращались, садились на плечо Славы, безошибочно находя его в стайке детей. Потом улетали совсем. Из девчонок в их компании кроме Светки была только Тося. У нее два брата, старший дружил со Славой, младшего в компанию не принимали, мал еще. Учились Слава и Света в десятилетней школе, не относящейся к их району. Другие ходили в восьмилетнюю школу рядом. В школе у Светы долго не было подруг, разве что Вера, также имевшая старшего брата, ровесника Славы. Но Вера перешла в параллельный класс, а у Светы первые подруги появились только в шестом классе.

У Славы тоже появились друзья, которые жили не в их районе. Был период, когда он отказывался ходить по улице со Светой: «Вот еще! Подумают, что я с девчонкой иду!» У мальчишек стала складываться своя компания, куда Свету уже не брали. Мальчишки участвовали в драках между местными группировками, обсуждали какая группировка сильнее, какая имеет «большой вес». Брат стал появляться, иногда подвыпившим, вызывая бурное негодование отца. Пробовал курить. Отец работал учителем, на работе был всегда выдержан, но дома порой срывался, мог и ударить. Слава боялся отца, а Света жалела брата, заступалась за него, ее отец никогда не трогал.

Слава шустрый, подвижный, с хитрецей, Света тихая, по-

слушная, болезненно стеснительная. Обычно сестра уступает брату, он этим пользуется. В их доме для детей две комнаты: теплая и темная спальня рядом с печкой и небольшая комнатка с окном во двор. Так Слава всегда зимой оказывается в спальне, а летом в комнатке с окном. Но иногда Света упрется из-за чего-нибудь, не свернешь, упрямая.

* * *

В школе у Славы все чаще стали появляться «двойки». Поэтому отец настоял на его поступлении после седьмого класса в технологический техникум, где отец в это время работал завучем: «Пусть хотя бы какую-то специальность получит». В техникуме Слава учился тоже не блестяще, часто объясняя это тем, что ему не нравится выбранная отцом специальность. К тому же учителя обо всех его провинностях тут же докладывали отцу. Это никак не способствовало улучшению отношений между отцом и сыном. А мать защищала сына, обвиняя во всем только его друзей. Даже бегала «громить» этих друзей, запрещала Славе дружить с ними, но он продолжал встречаться с теми, с кем хотел.

Дом у семьи был небольшой, закрывающихся дверей между комнатами не было. Поэтому Света часто слышала рассказы ребят об их похождениях. Один раз даже высказала Славе по поводу одного из них: «Как ты можешь дружить

с таким идиотом!» Слава передал ему эти слова. На одном из вечеров в техникуме Саша подошел к Свете и стал ей объяснять, что он совсем не идиот. Просто он считал ее еще маленькой, не обращал на нее внимания и не старался произвести впечатление. Свете в это время исполнилось четырнадцать лет, она училась в восьмом классе, на нее стали обращать внимание мальчики.

Света училась также не очень прилежно, больше всего любила читать книги. Но учеба не вызывала у нее никаких затруднений, давалась легко. Иногда проскальзывали текущие «тройки» и даже «двойки». Но она их вовремя исправляла, в четвертях у нее всегда были «четверки» и «пятерки», она считалась хорошей ученицей. В восьмом классе Света впервые пошла с подругами на каток, ей там понравилось, она стремилась туда в любую погоду. Каток заливали в большом старом парке довольно далеко от ее дома. Но там было так красиво, играла музыка, светили фонари, собиралось много народа. У них сложилась дружная компания из ее одноклассниц, одноклассников и их друзей. Кто-нибудь из ребят обычно провожал ее до дома, но если никого не было, она шла одна. Не боялась, чувствуя защиту брата. Один раз уже у самого дома к ней привязался подвыпивший паренек. К нему сразу же подошли друзья брата, отвели в сторону: «Не обижай сестренку Славы!»

Как-то Слава позвал ее с собой на вечеринку к Саше. Родители разрешили, «пусть посмотрит». Родителей Саши дома не было, в большой комнате накрыт стол, стоит вино, закуски. Пить Света отказалась, настаивать не стали. Вскоре начались танцы. Ребята прижимали к себе девушек, медленно покачивались под музыку. Некоторые парочки выходили, возвращались разгоряченные, с горящими щеками. Света встала, прошла в соседнюю комнату, стала рассматривать полки с книгами. Следом зашел один из парней, подошел к ней, она не обращала на него внимания.

– Ты любишь книги?

– Да.

– А я не люблю книг!

Парень вышел, Света вернулась в большую комнату. Ее пригласил живший с ними по соседству Толя, с некоторых пор она ловила на себе его взгляды. Протанцевали танец, Толя подвел Свету к дивану, она стала садиться. Толя наклонился, коснулся губами ее щеки и сразу же убежал. Это был первый поцелуй Светы. Другие девочки из этой компании целовались уже давно, некоторые по рассказам мальчишек позволяли не только это.

Больше Света в их компанию не ходила. Была с ними только, когда они собирались в их доме. Толя не присутствовал, чаще были другие ребята. Одна из девушек как-то опьянела, лежала на кровати в их спальне, ее тошнило. Парни подходи-

ли, бесцеремонно шупали, поворачивали ее. Толя Степанов по прозвищу Степа, сидевший рядом со Светой, сказал ей:
– Никогда так не делай!

Слава стал встречаться с красивой, черноглазой, похожей на цыганку Надей. Она училась в техникуме на курс моложе Славы. Слава рассказывал сестре, как впервые поцеловал Надю, ходил к ней на свидания. Потом последовала ссора. Слава увидел Надю с парнем, который шел рядом с ней, обнимал ее за плечи. Слава подошел к ним и ударил Надю по щеке. Впоследствии выяснилось, что это был двоюродный брат Нади. Слава извинялся, но Надя не хотела слушать никаких извинений, не хотела с ним больше встречаться.

Слава переживал, читал сестре посвященные Наде стихи:

Я, наверное, очень подлый,
Что, твоих избегая чар,
Я тебе, всегда такой гордой,
Столь жестокий нанес удар.

Пусть я подлый, пусть я жестокий,
Щеку судорогою свело,
Знаю я, что тебе быстроокой
Тоже очень сейчас тяжело.

Ты меня ненавидишь, наверно,

Ну, а я не могу вот так,
Потому, что ты была первой,
И моя любовь – не пустяк.

Прощение Слава, в конце концов, вымолил, они помирились, снова стали встречаться. Но Слава оканчивал техникум, ему надо было уезжать по распределению в Ташкент. Устроили прощальный вечер. На другой день друзья пришли провожать Славу на вокзал, Надя тоже пришла. Светка стояла вместе со всеми на перроне, отец спросил:

– С кем теперь из-за книг драться будешь?

И тут Светка разревелась. Брат ее успокаивал:

– Да не буду я с тобой больше драться! Отдам тебе все книги!

Это только добавило масла в огонь, слезы не высохали у нее до самого дома. Саша позавидовал:

– Вот бы обо мне кто-нибудь так плакал!

* * *

Света училась уже в десятом классе, встречалась сразу с двумя парнями. Нравился ей один, но они были друзьями, познакомились с ней на катке одновременно, и ни один не хотел уступать другому. Уступил, в конце концов, тот, который ей нравился, с другим она сама перестала встречаться. Решила вообще пока не думать о мальчиках, заняться учебной, получить хорошую специальность.

На филологический факультет она не пошла, понимая, что будет после его окончания, скорее всего, учителем в школе. Быть учителем она точно не хотела, посмотрелась на отца и на своих школьных учителей. Поступила со второй попытки на отделение «Радиофизика и электроника» физического факультета университета.

Один год между двумя попытками поступления Света проработала лаборантом физического кабинета в школе отца. Отец в это время был директором центральной городской школы. Слава недолго проработал в Ташкенте. Друзья, которым он поручил присматривать за Надей, писали ему тревожные письма. Видели ее то с одним, то с другим. А тут еще и сильное землетрясение в Ташкенте, разрушения. Слава рассказывал, как проснулся ночью от толчков, земля качалась. Первая мысль была:

– Гады американцы! Напали все-таки!

Уехал он самовольно, оставил там трудовую книжку. Никто в этот период его не разыскивал, не настаивал на возвращении. Отец помог ему устроиться на работу. Но с Надей они встречались недолго, она окончила техникум и уехала по распределению в Казахстан.

Сосед Толя зашел к ним перед Новым годом, спросил у матери:

– Слава дома?

– Нет.

– А Света?

– Света дома.

– Можно с ней поговорить?

Света вышла несколько удивленная. Никаких попыток к сближению после того робкого первого поцелуя Толя не предпринимал. Он окончил школу, поступил в саратовское художественное училище, жил и учился в Саратове.

Они шли по зимнему, украшенному новогодними гирляндами городу. Внезапно потеплело, снег таял, по улицам текли ручьи. Толя рассказывал, как к нему в Саратов приехал Саша и стал говорить о любви к Свете:

– Она такая необыкновенная, не похожа на других девчонок.

Толя ударил его по подбородку, тот отключился. Толя сидел, задумавшись. Саша пришел в себя:

– Ты за что меня ударил?

– Я тоже ее люблю.

– Давай тогда драться.

Они дрались, Толя победил в этом поединке и получил право ухаживать за Светой. Света слушала, молчала, просто не знала что сказать. Толя слегка пошатнулся.

– Да ты пьян! Я никуда с тобой больше не пойду.

Она развернулась и пошла по направлению к дому. Толя

остался стоять на месте, потом побежал за ней, догнал:

– Я люблю тебя!

Света коснулась царапины от ветки на его щеке:

– Ты оцарапался, кровь.

Он убежал. Она дошла до дома, вошла, разделась. Толя пришел вскоре после нее:

– Чаем хотя бы угостишь?

– Садись, напою.

Он приходил после этого еще ни один раз. Разговаривали, гуляли. Ей нравилась его игра на гитаре. Играл он и на аккордеоне, научился сам, самоучка.

У отца была большая деревянная лодка. Иногда он разрешал Славе брать ее, переезжать Волгу, заходить в Иргиз, Изумор. Света часто бывала с отцом на рыбалке, Слава рыбалку не любил. Славе не нравилось вставать рано утром на утренний клев, куда-то идти, лучше поспать. Отдыхать на лодке с компанией Славы оказалось некомфортно. Все приезжали и укладывались на берегу. Сходить за дровами, развести костер, принести с речки воды, вскипятить чайник желающих не находилось. Толя не был исключением из этого правила, но Свете нравилось разговаривать с ним у костра, слушать его песни. Училище он бросал, восстанавливался, его опять принимали. Способности у него были, не было только воли и желания к продолжению и окончанию учебы.

Уже в начале второго курса Света приехала домой на октябрьские праздники. Слава собирался отмечать этот праздник у одного из своих друзей. Миша недавно женился, жил с женой в небольшом домике. Слава позвал с собой Свету, тем более этого очень хотел Толя, вызвавшийся быть ее партнером. У Славы партнерши не оказалось, Надя была в Казахстане. Он тосковал по ней, пил рюмку за рюмкой, читал свои стихи:

Дайте водки, на сердце камень,
Выпью стакан до дна.
Почему не приходит прекрасная дама?
Где же она?

Надоело казаться сильным и дерзким,
Циником и наглецом,
Мне б до шепота снизить голос резкий,
Мне б в твое заглянуть лицо.

Опьянел он быстро. Вечеринка заканчивалась, все стали собираться домой. Жена Миши была беременна, ей требовался отдых. Но Слава боялся идти домой без Светы, боялся отца. А Толя хотел проводить Свету, он ждал этого вечера, хотел поговорить со Светой.

Между друзьями началась бурная перепалка. Толя упрекал Славу:

– Какой же ты друг!

Они уже шли друг на друга с кулаками. Света смотрела на них, ее трясло, на глазах выступили слезы. Вышел еще один из друзей, не разобравшись, ударил Толю:

– Ты обижаешь сестру Славы!

Толя упал, потом вскочил, стал драться с этим другом.

Света пошла домой со Славой. Тот шатался, останавливался, собирался повернуть назад, не слушал ее уговоры. Свете надоело его уговаривать, она пошла быстрым шагом. Слава вскоре догнал ее. Родителей дома еще не было, они не вернулись из гостей, все обошлось благополучно. Но на другой день Свете не хотелось разговаривать ни со Славой, ни с Толей. Она уехала в Саратов, а вскоре получила от Толи письмо, где он извинялся, говорил, что Света на него положительно влияет, просил о дружбе и переписке.

* * *

Слава встретил Надю, приехавшую в отпуск из Казахстана, предложил ей стать его женой. И она неожиданно быстро согласилась. Причем сама торопила свадьбу, хотела, чтобы она была как можно быстрее. Отец договорился в ЗАГСе, их расписали раньше положенного срока ожидания. Наде не терпелось уехать из Казахстана. На свадьбе Слава был на седьмом небе от счастья, а Надя совсем не выглядела

счастливой невестой. Сидела с глазами, полными слез. Свадьбу устроили дома, поставили столы в двух комнатах. Все сидели вплотную друг к другу. Свете места за столом не хватило, она спустилась на нижний этаж дома, к тетке, сестре отца. Толя пришел туда за ней, ее все-таки втиснули рядом с ним. На второй день Света не осталась, уехала рано утром.

Молодые стали жить вместе с родителями. Надя вскоре забеременела, но рожать ребенка не хотела. Собиралась даже сделать аборт, мать Славы отговаривала ее, объясняла, как это опасно, потом может вообще не быть детей. Ребенок родился раньше времени. Надя сказала, что ее сильно толкнули в автобусе. Половина лица у мальчика была синей, он прожил двенадцать часов и умер. Слава сильно переживал потерю первенца, а Надя говорила, что им нужно пожить какое-то время врозь, чтобы она пришла в себя.

Света в это время переживала сильную влюбленность. Понравившийся ей парень с географического факультета Володя был чем-то похож на ее брата: волнистые волосы, крупный нос с горбинкой. Возможно, из-за этого у нее возникло чувство, что она знает его давным-давно, это близкий, родной человек. Но все оказалось совсем не так, как ей казалось. Сильное чувство было только с ее стороны, Володя ничего подобного не испытывал. В сессию, когда она сидела над учебниками, а после уехала домой на каникулы, он женился

на девушке с механико-математического факультета, старшего. Объяснение было простое:

– Так получилось.

Он спал с ней, она объявила ему, что ждет ребенка, он сразу же расписался с ней, «как порядочный человек».

Света тяжело переживала измену, но стала уже успокаиваться. У Славы отпуск выпал осенью, с Надей они были в ссоре, он предложил Свете съездить с ним в Москву. Ни он, ни она не были там ни разу. Звали с собой Толю, но у него не было денег, он отказался, поехали вдвоем.

Мест в гостиницах, конечно же, не было, выручил один из швейцаров. У него была большая семья и квартира, он подрабатывал, пуская постояльцев. Свете нашлась кровать за ситцевой занавеской, Славу разместили в другой комнате. Брат с сестрой сразу договорились, что будут посещать только музеи, соборы, Третьяковскую галерею, никаких магазинов. Хозяин квартиры смог договориться, чтобы их пустили в Оружейную палату, хотя там посещения расписаны на много дней вперед. Слава со Светой ходили, смотрели, восторгались. Долго стояли в Третьяковке перед огромными, знаменитыми полотнами. Обойти и запомнить все просто невозможно, на это нужен не один день. Пресыщение и усталость они почувствовали на третий или четвертый день. Решили даже не возвращаться в квартиру, там все заплачено, поеха-

ли сразу на вокзал, вернулись домой.

Летом Света работала в строительном отряде. По вечерам студенты собирались у костра, пели песни, танцевали. Когда начинались танцы, Света уходила. У нее перед глазами стояло лицо Володи, никого другого видеть она не хотела.

А осенью на четвертом курсе вдруг начались постоянные телефонные звонки. Звонил Володя, предлагал встретиться. Она не соглашалась, перестала подходить к телефону. Тогда он стал звонить ее соседкам по комнате, говорить про нее какие-то гадости. Света написала ему записку, попросила прийти, передала через девушку с его факультета. Володя пришел и стал доказывать, что звонил не он, его не было в городе. Хотя Свете сообщили, что он приехал с практики, но не ходит на занятия, на грани отчисления.

Выяснилось, что жена изменяет Володе. Он уезжает на практику, а Нина получает от кого-то письма, едет в другой город. Младшая сестренка Володи держит письма над паром, вскрывает. Узнает, что пишет Нине мужчина, ездила она к нему. Володя возмущен, разочарован, обвиняет всех женщин. Но при чем здесь Света? Почему он именно ее выбирает объектом своих нападок? Она ему нравится? Его продолжает тянуть к ней. И ее к нему тянет по-прежнему, до дрожи в теле, до электрических разрядов при касаниях.

Но она не верит ему, не может простить предательство. И забыть не может.

Слава в это время в Хабаровском крае. Уехал туда он сначала один, потом приехала к нему Надя. Они пишут Свете письма, переживают вместе с ней все происходящее. А у Светы ухудшается здоровье, она сильно нервничает, начинается аритмия. Возникают проблемы с учебой, она ссорится с соседками по комнате в общежитии. На фоне всего этого у нее вообще пропадает интерес к жизни, развивается сильнейшая депрессия, следует попытка самоубийства. Два месяца она проводит в больнице, после чего берет академический отпуск.

А у Славы с Надей рождается сын Максимка. Мать Нади собирается к ним в гости, и родители Светы предлагают ей съездить вместе с Ольгой Константиновной, развеяться, сменить обстановку. Света соглашается. Едут они долго, с пересадками. Поезда переполнены, билеты достать трудно, но Ольга Константиновна привыкла к подобным путешествиям. Спекуляция в те времена запрещалась, преследовалась по закону, но Ольга Константиновна занималась этим много лет. Ездила по разным городам, республикам, привозила дефицитные товары, продавала их на рынке гораздо выше их стоимости. Ее муж также не имел постоянного места работы, ездил на заработки, дела мочалки из лыка, жена

их продавала. Сейчас бы сказали – занимался предпринимательством. Зарабатывали они, пожалуй, больше отца Славы и Светы, работавшего директором школы. Они помогли молодой семье обставить полученную на заводе квартиру, купить все необходимое. В поезде Ольга Константиновна связала шерстяные носки, предложила проводнице за три рубля. Та обрадовалась, носки ей понравились, показала свой восторг. Тут же последовало:

– Пять рублей. Не нравится, не бери.

Проводница посокрушалась, но все-таки взяла и за пять.

Теплоозерск, где жили Слава и Надя, Свете не очень понравился. Расположен он на сопках, покрытых редкой растительностью. Есть кедры, орешник, но тайга совсем не похожа на ту, какую она видела в Сибири у бабушки. Правда, там она была летом, сейчас осень, но видно, что деревьев немного. От одного до другого кедра нужно долго идти. Ветви, как и у сибирских кедров, расположены высоко, добираться до них надо по гладкому, без каких-либо сушьев стволу. Местные жители проделывают это легко с помощью «кошек». Света попробовала нацепить на ноги «кошки», но выше одного – двух метров подняться не смогла. Рядом с некоторыми деревьями лежат огромные колотушки. Ими бьют по стволу, сбивая шишки. Шишки шелушат на вырезанной из дерева доске, похожей на стиральную доску. Собирают в рюкзак только орехи, лишнее с собой не берут. Лес-

ные орехи с кустарника собирать гораздо легче. Освобождают их от сухих, колючих оболочек, в которых содержится по несколько орехов.

Сначала у Светы кружилась голова от недостатка кислорода в воздухе. Но к этому быстро привыкают и не замечают. Продукты и промтовары в магазинах были, снабжение лучше, чем в городе Светы. Очереди занимали за белым хлебом, его привозили издалека. Мясо и рыбу можно было купить свободно. Ольга Константиновна стояла в очереди за коврами, гобеленами, за всем, что можно потом дороже перепродать.

Максимка был такой маленький, беспомощный, крутился и ежился в пеленках. Бабушка подсказала, что его беспокоит щетинка, ее надо выкатывать, смачивая спинку грудным молоком. Она показала, как это делается, мальчик действительно стал спокойнее. Надю все нервировало, она с трудом переносила плач младенца по ночам. Жить здесь ей не хотелось, она уговаривала мать забрать ее домой. Славе предложили направление в институт от завода. Он хотел учиться на дневном отделении, а Надю на это время отправить к родителям. Договорились, что Надя с Максимкой уезжает с матерью и Светой, одной ей будет трудно добираться, а Слава поедет поступать в институт. Назад возвращались вчетвером. Купили билеты в купе, соседка там попалась терпели-

вая и понимающая. Максимка мирно спал, когда поезд покачивало на стыках, но просыпался и плакал на остановках.

С поступлением в институт у Славы ничего не получилось. Выяснилось, что направления могут давать только рабочим, к работникам ИТР это не относится. Слава распродал по дешевке мебель и вещи, сдал квартиру и также вернулся к родителям. Жили все вместе в небольшом, густонаселенном пространстве. Зато нянек у Максима было достаточно, мальчик рос очень шустрым. Благодаря этому ребенку, у Светы стал возвращаться интерес к жизни.

Зимой Света уехала продолжать учебу, а Слава с Надей вскоре перешли в кооперативную квартиру, получить и оплачивать которую им помогали родители с обеих сторон.

Материнские чувства у Нади по-настоящему не проснулись. Она смотрела на мальчика, как на досадную помеху, мешающую ей заниматься своими делами, наряжаться, бегать на танцы и в кино. Со Славой у Нади тоже не очень ладилось. Она не раз признавалась Свете, что никогда не любила его.

– Зачем же ты поехала к нему в Теплоозерск?

– На меня на работе стали смотреть, как на проститутку.

Пришлось ехать.

Но и Слава предпочитал лежать на диване с книжкой,

встречаться с друзьями, ребенок его не очень интересовал. Они с Надей оба старались подкинуть мальчика то одним, то другим родителям. Играла с ним и Света, когда приезжала к родителям. В восемь месяцев Максимка стал даже не ходить, а бегать бегом. Он рано научился говорить, выговаривал сложные слова, четко произнося букву «р».

– Максим, скажи – интернационал.

– Надоели вы со своим интернационалом!

Последние перед окончанием университета каникулы Света провела с Толей. Чаще всего они ходили на Волгу, купались, загорали. Толя брал с собой краски, бумагу, делал наброски акварелью. Света впервые пришла к нему домой, он пытался написать ее портрет. Жил Толя с матерью. Его отец покончил самоубийством, когда Толя был совсем мальчишкой. Причину Толя не знал. В семье было пятеро детей, Толя самый младший. Другие были давно взрослыми, жили своими семьями, имели своих детей. Портрет Светы у Толи не получился, что-то мешало ему закончить эту работу. Зато у него было много набросков девушки, с которой он учился вместе в художественном училище, Кямили. Толя любил ее, она отвечала взаимностью. Но она была татарка, родители не разрешали ей выходить замуж за русского. Она была готова переступить запрет, но Толя испугался и уехал.

Осенью, когда Света уже училась на пятом курсе, Толя предложил ей стать его женой. Но жить в Саратове он не хотел, поэтому при предварительном распределении Света просила место на выезд, хотя почти всех с их отделения оставляли в Саратове. Договорились, что сыграют свадьбу летом, как только Света окончит университет. По распределению поедут вместе. Но впереди еще год.

Толя писал редко, ленился. Новый год Свете пришлось встречать одной. Толя убежал к друзьям, бросив в ее почтовый ящик записку с извинениями. Пришел он только на другой день вместе с одним из друзей, оба пьяные.

Слава с Надей по-прежнему ссорились. Она выгоняла его, он уходил к родителям, потом опять возвращался к ней. После одной из ссор отец рассказал Славе, как он получал свидетельство о смерти их первого сына. Патологоанатом был когда-то одноклассником отца, хорошо его знал. Он диктовал данные медсестре, та записывала:

– Пиши – доношенный.

Отец удивился:

– Как же доношенный? Семь месяцев.

– Пиши, я знаю, что говорю.

Стала понятна торопливость Нади со свадьбой, ее нежелание рожать этого ребенка.

Слава ушел из дома, долго где-то бродил. Пришел сильно пьяный, весь мокрый. Утопиться пытался?

Толя со Славой приехали вместе в Саратов. Зашли в общежитие к Свете, позвали ее с собой. В квартире, где они остановились, жили брат и сестра, художники, друзья Толи. Павла можно было бы назвать красивым, если бы не такой тяжелый, сумрачный, какой-то свинцовый взгляд светлых глаз. Подошли их другие друзья, тоже художники. Пригласили девушку, на которую они обратили внимание на улице, хотели написать ее портрет. Ребятам понравилось ее выразительное лицо, густые, сросшиеся на переносице брови. Ездили за ней в одно из рабочих общежитий на окраине города. Сначала действительно писали портрет, потом все перешло в обычную пьянку. Голоса стали громкими, возбужденными, кого-то тошнило в туалете. Квартира была коммунальная, две старушки соседки возмущались, плакали. Водки не хватало, ходили за ней через окно, чтобы не проходить мимо соседок. Благо квартира была на первом этаже небольшого, старого дома.

Славе хотелось поговорить со Светой. Он собирался уезжать, жаловался на одиночество, говорил, что едет в никуда, нигде никто его не ждет. Света почти не слушала, озабоченная поведением Толи. Вроде бы она ему не чужой человек,

невеста. И что? Он не обращает на нее никакого внимания.

Света попросила Толю проводить ее. Он довел ее до остановки троллейбуса и поспешил вернуться назад к своей компании. На другой день Слава с Толей опять явились к ней в общежитие, попросили денег на дорогу, свои они пропили, «а тебе родители все равно дадут», и уехали. Позднее Толя прислал письмо, объяснял, что не смог удержаться, пытался найти Кямилю. Ее не было в городе, он разговаривал с ее подругой. И большими буквами: «ПРОСТИ МЕНЯ!» Слава уехал в Узбекистан, в Андижан.

Перед самой защитой диплома Светы Толя сообщил ей, что его призывают в армию. Ему было уже двадцать шесть лет, кончились все отсрочки, которые ему предоставляли до сих пор. Дальнейшее уклонение от службы грозило судом. Уехать надолго Света не могла, но чувствовала необходимость серьезно поговорить с Толей. Она отправила ему телеграмму с просьбой встретить ее на автовокзале. Назад Света собиралась вернуться в этот же день пригородным поездом.

Толя удивился, когда увидел ее. Он почему-то решил, что телеграмма от Кямили. Зачем Свете посылать телеграмму, если она всегда может приехать к родителям? Света сама не ожидала, что произнесет эти слова:

- Я приехала попрощаться, Толя.
- Прощаться? Разве кто-то из нас умрет?
- Я не буду твоей женой, и не буду ждать тебя из армии.

И дальше сумбурный, нервный разговор. Они что-то доказывали друг другу. Толю трясло, он пил холодную воду из колонки. Свете вспомнились стихотворные строчки:

Я уйду, может быть, навсегда,
Доброта приютит меня всюду.
А придется вернуться назад,
Я искать тебя больше не буду.
Но уже никогда не забуду,
Как над озером светит звезда...

Дождаться поезда Света не смогла. Подошло такси из Саратова, водитель согласился взять Свету за небольшую плату, все равно ему возвращаться. Ехали вдвоем по ночной дороге, Света что-то машинально отвечала на вопросы водителя.

- Настроение? Навсегда рассталась со своим парнем.
- Плохо ты его держала.

Держала? Никого она не держала, и не будет держать. Пусть сами выбирают то, что им нужно, и она будет выбирать сама.

Она все-таки приехала еще раз. Не пошла с группой в ресторан в честь окончания университета, хотя и сдала зара-

нее деньги. Эту группу Света все равно не знала, не успела узнать, четыре года училась совсем с другими. Толя уехал в тот день, когда Света защищала диплом. Зашел предварительно к ее родителям и с пафосом сообщил, что освобождает ее от данного ему слова.

* * *

В Коврове Света проработала два года. Забеременела от парня, с которым работала в одной лаборатории. Жениться на ней он не захотел, ребенок ему был не нужен. А Света радовалась этому ребенку, как своей последней надежде в жизни.

Слава в Андижане сильно пил. Он и еще двое его приятелей украли и пропили трансформатор с завода. Те двое местных выкрутились, а Славу осудили на два года условно. Два года он провел с уголовниками на так называемой «химии». Вернулся к родителям одновременно со Светой. Это был уже совсем не тот человек, которого она знала до сих пор. Даже взгляд изменился, стал жестоким, циничным, безразличным.

Жили опять все вместе всё в том же маленьком доме. Свете надо было греть воду, стирать пеленки, купать ребенка. Слава приходил сильно пьяный, качаясь, сидел на кух-

не, мешая Свете. Иногда он падал с табуретки, сбивая горшки с цветами, рассыпая землю. Один раз он ударил Свету по лицу, когда она стала возмущаться его поведением, разбил ей губы. Отец выгнал Славу из дома. Дня три он жил внизу, у тетки, мать носила ему туда еду. Отец тоже стал сильно пить, каждый день ему требовалась рюмка – две. Иногда допивался до невменяемого состояния, но руку ни на кого не поднимал, старался помочь Свете.

Отец работал уже в другой школе. Там ему удалось получить трехкомнатную квартиру, переехать туда с матерью и Славой. Дом он оставил Свете с Алешей. Привыкнуть к новой квартире отец так и не смог, бежал по-прежнему в старый дом, к Свете. Тем более, здесь у него работал самогонный аппарат, и он занялся разведением кроликов и выкармливанием поросят.

Слава, когда только приехал, хотел сойтись снова с Надей, но ничего у них не получилось. Она стала бояться его жестокости, он с возмущением узнавал о ее встречах с другими мужчинами, пока его не было, поднимал на нее руку. Надя подала на развод. Слава женился на однокласснице Светы, но этот брак оказался недолгим, закончился так же разводом. Подруга помнила его таким, каким он был раньше. А он чуть не задушил ее, когда она отказалась дать ему денег на бутылку. Пробовал он сходить еще с одной женщиной,

но всех отпугивало его пьянство и жестокость.

Он приходил пьяный к Свете, оставался у нее, но слышала она от него только оскорбления. Пыталась не пускать его, запирала дверь, он лез к окну по выступу стены, мог сорваться и разбиться. Мать кричала, плакала, но продолжала защищать во всем сына, обвиняла отца и дочь. Одна из ссор отца с матерью и Светой закончилась его самоубийством. Для Светы это была огромная трагедия, отца она очень любила, долго не могла прийти в себя. Мать рыдала, причитала, но быстро и деловито принялась за распродажу имущества. Срочно и очень дешево продала лодку, гараж, мотоцикл. У нее было желание вернуться в свою родную Сибирь. Жить со Славой без защиты отца она боялась. Слава напибался, кричал на мать, говорил, что она мешает ему привести женщину, выгребал и пропивал все продуктовые запасы матери. Мать стала умолять Свету отдать Славе дом и перейти жить к ней. Света не соглашалась, зная, что мать будет по-прежнему защищать и оправдывать во всем сына. А с ним, после того, как он обвинил Свету в самоубийстве отца, она не хотела иметь никаких отношений. Но все-таки пожалела мать и согласилась.

Сын Светы Алеша болел полиартритом, болезнь почти неизлечимая, и Света решила родить еще одного ребенка. У нее появился еще один сын Павлик. Слава привел в дом

женщину, которая пила еще больше, чем он. Вдвоем они быстро пропивали все, что оставалось в доме, помогали алкоголики со всей округи. Мать несла сыну продукты, Света молчала, сын есть сын. Дом тоже чуть не пропили. Пустили на квартиру цыган, те легко могли выселить их по отработанной схеме. Ставят ящик водки, хозяева подписывают все необходимые документы и оказываются на улице. А бабка снизу сама убежит. Помог бывший уголовник, работавший конюхом в больнице, где много лет работала тетя Нина. Закончилось все так же самоубийством. Слава перерезал себе вены и открыл газ.

* * *

Света вырастила и выучила сыновей, только младший сын так и не сумел получить высшее образование из-за разбойного нападения. Мать жила с ней до последних своих дней. Старший сын женился, жена попалась удачная, внучку и внука Света очень любила. Хотелось, чтобы и младший сын создал хорошую семью, но тот не торопился. Увлёкся компьютерами, ушел в свою виртуальную реальность, не желая спускаться на землю.

Надя умерла вскоре после Славы от опухоли мозга, оставив, кроме Максима, двенадцатилетнюю дочку. Максим с женой оформили опеку над девочкой, помогли ей вы-

расти и окончить школу.

Только через много лет прошла обида Светы на брата, она больше стала вспоминать хорошее, веселое, беззаботное детство, светлую юность. Вот одно из посвященных Наде стихотворений Славы:

Сядь со мною, помолчи немного,
Посмотри мне пристально в глаза.
Может в них, родная недотрога,
Алые увидишь паруса.
Робкую и нежную улыбку
Не зачеркивай движением бровей.
Позабудем горькие ошибки
Сумасшедшей юности своей.

Бабушка

Я мало помню свою бабушку, у нас не было откровенных разговоров, я ни о чём её не расспрашивала. Почти всегда она была занята домашней работой. Выходной день у родителей был всего один, в детский сад мы с братом не ходили, бабушка готовила на всю семью. Готовила она в русской печи, которую надо разжигать, поддерживать в ней огонь, двигать ухватом тяжёлые чугуны, сковородки, пользоваться большими железными противнями. Мне очень нравились рассыпчатые пресные лепёшки с румяной корочкой, бабушка называла их кокурками. К еде я была сравнительно равнодушна, непривередлива, но вот кокурки запомнились.

Не видела, чтобы бабушка что-то читала или писала. Была ли она грамотной? Скорее всего, да, её отец был арендатором, жили они сравнительно богато, это их высокий, каменный, шатровый дом стоял на углу рядом с нашим. Мой дед, как рассказывала тётя Нина, сестра отца, был сиротой из какой-то деревни. Его отдали на военную службу в нашем городе, он жил на квартире у родителей бабушки. Женился на ней, дочери своих хозяев, им выделили участок, где они построили дом, в котором жила наша семья. В родительском доме жила семья старшего брата бабушки. В том и другом доме было много книг, картин, патефонных пластинок. Все

книги не помещались в шкафах, часть их хранилась в больших деревянных сундуках в тёмных кладовых, на чердаках домов и сараев. Среди этих книг я находила дневники, песенники, письма дедушки, умершего до моего рождения, как и брат бабушки.

Речь у бабушки была правильная, спокойная. Она ворчала на нас с братом, когда мы начинали драться, устраивали возню, но не кричала, как наша мать. Мать возмущалась её спокойствием, считала её бессердечной.

Все дети в семье бабушки, а их было, в конечном счете, семеро, пятеро умерли, учились, ходила в школу на родительские собрания именно бабушка. Дед был слишком вспыльчивым, поэтому воспитание детей предоставлял жене. Мой отец тоже был вспыльчивым, но он старался владеть собой. Меня он никогда не трогал, а брата мог ударить: «Убью!» Брат боялся отца, да и я порой побаивалась, хотя очень его любила.

Семья была религиозной, но после того, как дед в приступе отчаяния после смерти пятого ребёнка разрубил все иконы: «Пусть бог меня не любит, пусть дети живут!», икон в доме не было. Часть икон всё-таки сохранилась, мы находили их в сундуках на чердаке сарая, но я никогда не видела, чтобы бабушка молилась или ходила в церковь.

Бабушка очень хорошо шила практически всё, начиная с трусов и фартуков и кончая осенними и зимними пальто. Я щеголяла в нарядных платьицах, мои осенние пальто были украшены вышивками, а зимние пальто меховыми пелеринами. Шила бабушка на высокой швейной машинке, сидя за ней, как за столом, ловко качая ногой решётку вниз. От этого качания крутилось большое колесо с ремнём, приводя в движение маленькое колесо сверху. Ткань она держала двумя руками, строчка получалась ровная. Нам запрещалось подходить к машинке, но интересно же посмотреть, потрогать, покрутить нижнее колесо. Из-за нас бабушка снимала ремень с колеса, когда не шила, чтобы мы ничего не испортили.

Вся многочисленная родня, приходившая в наш дом, и к кому мы ходили в гости, была по линии бабушки. Рослые, светлоглазые Маркины, темноволосые, кареглазые Коноваловы, утончённые Самойловы, в чьём доме значительную часть большой комнаты занимал чёрный блестящий рояль, уставленный красивыми фигурками. Были ещё Андроновы, Поляковы, все работающие, хозяйственные, самостоятельные. К бабушке обращались уважительно: Зинаида Петровна, не могу представить, чтобы кто-то назвал её Зинкой или хотя бы бабой Зиной.

Мне было лет шесть, когда бабушка в первый раз уезжала к тётё Нине в Среднюю Азию. Брат учился в школе, я оставалась дома одна, пока он не возвращался. Мать приходила с работы в обед, кормила нас и убегала, до вечера мы были предоставлены сами себе. Говорят, что это продолжалось год, мне казалось гораздо дольше.

Второй раз бабушка уехала, когда мне было девять лет, вернулась вместе с тётёй Ниной, её мужем, его дочерью и их общим полугодовалым сыном. Мы все разместились на верхнем этаже дома, а бабушка спала внизу, на кухне, на узкой железной кровати рядом с печкой. Она говорила, что ей там спокойнее, к тому же ей приходилось готовить на всю удвоившуюся семью.

Дом стали перестраивать, подняли, убрали русскую печь, сделали внизу такое же расположение комнат, как и сверху. Стройка продолжалась два года, помогала вся родня, их тоже надо было кормить. Когда решали вопрос, с кем будет жить бабушка, она выбрала сына: «Я больше привыкла к этим детям». Отец поблагодарил: «Спасибо, мама». После окончания стройки бабушка стала быстро сдавать и вскоре умерла от инфаркта в одночасье.

Фотографию бабушки с высокой причёской, в нарядном платье я увидела после её смерти и даже, кажется, после

смерти отца. Я помню её гладко причёсанную, скромно одетую, стеснительно прикрывающую ладонью рот при улыбке, пряча недостающие зубы.

Пройду!

Наше детство не было похоже на детство современных детей. Мы росли сами по себе, родители были слишком заняты работой и многочисленными домашними делами. В большинстве домов не имелось никаких удобств, то есть надо было заготавливать дрова, топить печки, носить воду порой издалека, готовить на плите или в русской печи, стирать в корыте и т. д. Мы почти все дни проводили на улице, забегая домой ненадолго лишь перекусить. Летом на Волге, зимой на санках, лыжах, коньках часто тоже у Волги.

Одно из наших любимых мест возле кожевенного завода, где Нижняя Малыковка впадает в Волгу. Здесь круглая очистная башня, перед ней запруда и узкий бетонный мостик через Малыковку без всяких перил. С одной стороны черная глубина, с другой – высокая бетонная стена, по которой струится вода, внизу зловонная тряпина. Мы ходим по этому мостику в любое время года. Особенно интересно зимой на лыжах. Мостик обледенел, пройти по нему трудно, а на берегу насмешники-мальчишки, они поддразнивают: «Не пройдешь! Не пройдешь!»

Я и сейчас порой на этой узкой обледенелой полоске, а с берега: «Не пройдешь! Не пройдешь!» – «Пройду!»

Радоваться всему

Кому-то нравится жара, кто-то привык к холоду. Но как хорошо, когда есть все! Как мы умели радоваться всему в детстве! Обгорали до черноты под жарким солнцем, торчали до посинения в воде, носились на велосипедах и самокатах по улицам, по лесным и полевым дорожкам.

А после ждали первого снега. Выбегали с радостными воплями во двор, ловили руками и ртом снежинки, отпечатывали свои следы на тонкой белой пелене. Снег засыпал дворы и улицы, кататься на санках, лыжах, коньках можно было везде. И можно было играть в космонавтов, прыгая с крыши сарая в высоченные сугробы, или вести бои за снежные крепости. Волга замерзала крепко, на другой берег можно было проехать на машине. Морозы не пугали, мы прибегали с улицы, покрытые толстой снежной коркой, отогревались у печки, сушили одежду.

Сходил снег, и появлялись первые проталины. Где-то вдруг выглядывала зеленая травка, чернела земля. По обочинам дороги с веселым журчанием устремлялись к Волге ручьи. Плыли в них кораблики из щепок с бумажными парусами, обгоняя друг друга, ныряли в туннель под дорогой, уносились по желобам вниз. На оттаявших, подсохших пятках тут же расчерчивались «классики», прыгали через скакалку.

И снова жаркое лето с ливнями и грозами. Промокнуть

мы не боялись, бегали по лужам под дождем, выкрикивая:
«Дождик, дождик, пуще!»

Где эта радость? Есть ли она у наших детей и внуков? Или
мы не замечаем?

Ты же девочка!

Кому-то нравится обвинять русских в традиционной неряшливости, особенно тем службам, которые занимаются уборкой улиц, вывозят мусор. Они вроде бы хорошо делают свою работу, но несознательные жители бросают мусор мимо урн и мусорных баков и вообще где попало. Баки пустые стоят, а мусор рядом валяется. Есть, конечно, неряхи, причем везде, но баки надо освобождать гораздо чаще, увеличить их количество и забирать весь мусор, а не только тот, который удалось уместить в баки.

А как было раньше? Прежде всего, не было пластика и целлофановых пакетов, работали пункты приема стеклянной посуды. Ездили по улицам «махорники», собиравшие старую одежду, кости, металлолом. Что-то сжигалось, что-то закапывалось.

Мама не очень торопилась приучать меня к домашнему труду: «Успеет еще, наработается! У нее и сил-то нет, тряпку не сможет как следует выжать!» Зато, когда я подросла, требования ко мне ужесточились. Играем с братом, читаем, готовим домашние задания. Но скоро должна прийти с работы мать, я внимательно смотрю по сторонам. Если что-то не так, то сдвинутые брови, громкие крики: «Как ты можешь сидеть, когда вокруг такой беспорядок! Ты же девочка!» И ведь добились, я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не могу сидеть или лежать, ко-

гда вокруг меня беспорядок! Поднимаюсь даже больная, начинаю мыть, вытирать, убирать.

Жили мы сначала в доме без удобств. Печи топили дровами, воду носили из колонки, стирали в корыте, полоскали белье на мойке. Но в доме было чисто. Почти каждое лето мы на какое-то время переселялись в сарайчик во дворе, выносили из дома мебель, посуду, одежду. Белили стены и потолки, красили окна, полы. Затем все промывали, протирали, просушивали, в дом заносили все чистое. До сих пор вспоминаю, как тщательно отмывала и отчищала посуду в большом оцинкованном тазу, расставляла все по шкафам, полкам. Так делали не только мы, но и многие наши соседи.

Я и сейчас не выношу грязь вокруг себя, приучала к чистоте детей, внуков. Были проблемы с младшим сыном, когда мне в перестройку приходилось слишком много работать. Не было времени заставлять его убирать за собой игрушки, а уже старенькой маме было проще убрать самой, чем тратить силы, приучая его. Но позднее научился и он, содержит свою компьютерную технику в образцовой чистоте.

Не надо напрасно обвинять людей в собственном нежелании выполнять свою работу. Если беретесь, то делайте аккуратно и добросовестно. И неважно при этом девочки вы или мальчики!

А что скажут люди?

В детстве я была ребенком без проблем. Тихая, послушная, малоподвижная. Меня можно было оставлять одну дома, не опасаясь, что я куда-то влезу без спроса и что-то наворю. Никто не заставлял меня учить уроки, знали, что все будет сделано. Отец спрашивал иногда о моих школьных успехах, есть ли «тройки». Узнавал, что были, но все уже исправлено и успокаивался. Проблемы были с братом. Он вполне мог куда-то влезть, развести костер под стеной дома, получить «двойку». У него появлялись друзья, с которыми, по мнению родителей, ему не следовало дружить. Он рано стал выпивать, пробовал курить. Причем его часто не было дома, и крики матери по поводу его очередной проделки приходилось выслушивать мне. Когда он появлялся, ее пыл уже проходил, с ним можно было разговаривать спокойно. Вспышки отца, если брат приходил, выпивши, могла остановить только я, брат это знал и пользовался моей защитой, отца он побаивался.

Меня часто хвалили, и мне очень хотелось всем нравиться. Но это порождало сильную неуверенность в себе: «А что скажут об этом? А что подумают о том?» К тому же брат, который был старше на два года, частенько смеялся надо мной, если я что-то спрашивала: «Не знает! Даже это не знает!» Скорее всего, он сам не знал что ответить, но не показы-

вать же это младшей сестре! Я росла стеснительной, замкнутой, очень зажатой. Но всеми силами старалась выполнять все указания и быть примерной девочкой, чтобы родители могли мной гордиться. Думалось, что все у меня в жизни будет четко и правильно, на «пять».

Первое потрясение пришлось испытать, когда не поступила с первого раза в университет. Пусть из-за глупой, нелепой ошибки, но это был первый провал, первая неудача. В чистой, аккуратной тетрадке появилась первая пометка. А уж что говорили люди... Кто во что горазд!

Сильнейшая влюбленность на третьем и четвертом курсе привела к болезни, попытке самоубийства. Я чуть не бросила университет, хотя до его окончания оставалось всего ничего. Здесь уже поводов для разговоров было гораздо больше. Даже родная тетя не верила, что у нас с Володей не было по-настоящему близких отношений. Иначе с чего бы такая реакция? Мало что ли других парней? И почти невозможно было никому доказать, что из всех парней мне был нужен только он. Другие для меня тогда просто не существовали.

Дальше – больше. Я порываю с тем, кому обещала стать его женой и уезжаю одна в незнакомый город. Родителям мой избранник, кстати, не нравился, этим моим решением они были только довольны. Но я рожаю ребенка без отца и возвращаюсь домой. Вот это уже удар! Примерная девочка-отличница, папина надежда, становится матерью-одиночкой. Что говорят при этом люди можно представить, не сплетни-

чает только ленивый.

Но и этого мало. Мой сын заболевает неизлечимой болезнью, и я решаюсь на второго ребенка также без отца. Сначала следуют скандалы с родителями и два выкидыша на этой почве. Отец в это время уже сильно пьет, брат тоже. Втянулись оба, когда отец стал гнать самогон, остановиться уже не могли.

Самоубийство отца, вернее инфаркт при попытке самоубийства, происходит после одной из наших ссор. Естественно, обвиняют в этом меня, в первую очередь брат. О том, как сильно отец пил, какие у него были периодические ссоры с матерью, сколько уже было попыток самоубийства, мало кто знает. Говорили каждый свое.

Второго сына я все-таки родила уже после смерти отца. Новый повод для разговоров.

Но тут начинается перестройка, рушатся старые устои, меняются взгляды. Мне уже давно все равно, что говорят обо мне люди, забота только о том, чтобы выжить и помочь сыновьям и матери. Брату с его страстью к выпивке перестройка оказалась не по плечу, он кончает с собой. Я к этому не имею никакого отношения, но люди все равно находят что сказать.

По-настоящему раскованной и уверенной в себе я смогла себя почувствовать только, когда стала писать. То есть заниматься тем, о чем я мечтала с пяти лет, едва научившись читать, но не могла этого делать. А что скажут люди? Говорите, я хочу это слышать.

Хорошо!

Хочется написать о чем-нибудь веселом – разве не было? Было, конечно, было! Но когда хорошо, и писать ни о чем не хочется. Радуетесь солнцу, небу, любуетесь первыми скромными цветами, пробившимися из-под снега весной. Счастлива, когда набредаешь на нетронутую грибную семейку или усыпанную сочными ягодами поляну летом. Стоишь, замороженная, в кружеве инея зимнего леса, теряешься в многоцветных и щедрых дарах леса осеннего. И всегда рядом любимая, полноводная Волга. Она то зеркально спокойная, то грозовая, бурная, покрытая «беляками». Летом спешишь окунуться в прохладную воду. Зимой можно пройти по льду на лыжах или просто пешком на другую сторону. Звучат дивной музыкой знакомые с детства названия рек, проток: Иргиз, Изумор, Заманиха, Ревякка.

За дневник я чаще всего хватаюсь, когда мне плохо, vyplескиваю на его страницы боль, обиды, разочарования. Лучше, чем навешивать это на окружающих близких людей. Или не лучше? Все ведь остается в глубине души.

Сколько километров проехали по Заволжью мы с отцом! Сначала на велосипеде, потом на маломощном мотоцикле К-58 – «козlike». Переезжали от одного озера к другому, переправлялись вброд через неглубокие речки. Наугад выбирали одну из расходящихся дорог: направо? налево? Один

раз заехали в густой лес, там лосиха стоит с лосенком. Повернулась, не спеша, смотрит на нас. Мы не стали приближаться, уехали.

Одна из моих подруг, приезжавшая в наш Вольск только на лето, приехала один раз со своей родственницей. Элла была постарше нас. Невысокая, крепкая, загорелая, она легко переплывала Волгу, хотя у нас даже мальчишки немногие на это отваживались. Она учила нас плавать: «Не думай о том, что ты в воде, думай о чем угодно другом». И действительно так плыть намного легче, исчезает суетливость движений, налаживается дыхание. Элла поражала взрослостью, порою даже некоторой циничностью суждений. Я, тогда наивная и восторженная, свято верившая, что живу в лучшей стране в мире и в жизни, как в сказке, добро всегда побеждает зло, спросила, не страшно ли ей жить в таком враждебном мире. «Нет, жить хорошо, солнышко светит».

Измены, предательства... Но сколько же счастья дают дети! Теплые маленькие ручонки, обвивающие мою шею! Мой маленький серьезный Алеша капризничает, хнычет по какому-то поводу.

– Не пищи! Ты же мужчина!

Озадаченно смотрит на меня:

– А ты кто?

– Я женщина.

Задумывается на время.

– Женщина. Ну, пусть женщина. Но никто же не знает,

что ты женщина!

Да, не так-то просто об этом догадаться! Никто и не знает до сих пор. Везу все на себе, решаю порой совсем не женские проблемы.

Но жить хорошо! Солнышко светит.

Хочу танцевать!

Ну, это же так здорово, когда ты на сцене, все на тебя смотрят! А где-то, конечно, ОН, который смотрит особенно внимательно... Да нет, пожалуй, о НЕМ я еще сначала не думала. Но танцевать хотела. В школе организовали танцевальный кружок, который вела настоящая балерина. Правда, уже на пенсии, но ведь настоящая, не просто участница самодеятельности! Все девчонки побежали записываться, я тоже. Ходили на занятия в школьном актовом зале, принимали балетные позы, держась за спинки стульев, приседали, наклонялись, поднимали ноги. Восторг! Балетные пуанты впервые увидели, розовые, обтянутые блестящим атласом, пышные балетные пачки. Очень строгого отбора не было, брали всех желающих, но нас разделили на три возрастные группы. В младшую группу, куда попало большинство моих ровесниц, меня не взяли. Не подошла по росту, слишком высокая, да и не только – скованная, зажатая, чрезмерно стеснительная, ноги кривоваты. Естественно, объяснить мне все это прямо никто не брался, непедагогично же, да и не в театр нас готовили, всего лишь школьная самодеятельность. Но младшая группа готовила фрагмент из «Лебединого озера», несколько старших девочек и один парень ставили очень красивый этюд на музыку Шопена. А нашей группе досталась полька, и то я была здесь не в основном соста-

ве, вроде как на подмену. Потом вообще нашу группу уже в другом составе стала вести учительница физики. Маленькая, шустрая, всегда на высоченных каблуках, в школе за ней закрепилось прозвище Шпулька. Она решила разучить с нами танец с лентами. Купили нужной длины атласные ленты, закрепили их на палках, стали махать. Мне вскоре Шпулька предложила сольный танец, наверно, чтобы не портить впечатление другим участницам. Аккомпаниатора у нас не было, мелодию Шпулька напевала сама, и я запоминала нужные движения под «та-да-ра-ра-та-ра», кружилась, наклонялась, неуклюже прыгала. Выступить на сцене в школе мне так и не довелось. Но в пионерском лагере, когда стали набирать желающих участвовать в концерте, я робко предложила свои услуги. Девочка за пианино спросила, под какую музыку я буду танцевать. Я стала напевать свое «та-да-ра-ра-та-ра». Она ухмыльнулась и заиграла просто вальс. Ясно, что мои заученные движения не ложились на эту мелодию, я импровизировала, как могла. Зрители удовольствие вряд ли получили, но мне самой понравилось, крутилась с восторгом.

Помню свой первый танец на школьном вечере, куда нас пустили, наконец-то, в восьмом классе. Тогда девочки либо стояли у стенки, либо начинали танцевать друг с другом. К такой паре мальчики подходили тоже вдвоем и разбивали: один парень приглашал понравившуюся девушку, а ее напарница должна была танцевать с его другом. Мне подмигнул и направился вместе с другом к нам с Ольгой сын хороших

знакомых моих родителей. Но пригласил он почему-то Ольгу, а я с замиранием сердца положила руки на плечи его друга. Своей матери сын знакомых потом объяснил, что я в этот момент как-то отвернулась, поэтому он пригласил не меня. Его матери очень хотелось, чтобы мы дружили, она шутливо называла меня снохой и наказывала сыну, чтобы он обязательно пригласил меня на танец.

Летом мы бегали с подружками на танцплощадку в городском парке. Я, кроме школьных вечеров, ходила иногда на вечера в технологическом техникуме, где учился мой брат и одна из моих подруг. Незамысловатое топтание под мелодии популярных песенок и ни с чем несравнимое ожидание того, что тебя заметят и пригласят. Старалась только не садиться на скамейки, стулья, а то получалось неудобно, когда к тебе подходят, приглашают, а ты встаешь и оказываешься на полголовы выше партнера.

Незабываемый, изменивший и определивший всю мою жизнь вечер в Красном уголке университетского общежития. Учась в Саратове, я стремилась как можно чаще бывать в театрах. Иногда, если не находила с кем пойти, шла в театр одна, хотя и чувствовала себя не в своей тарелке в антрактах и в раздевалке, но все окупалось удовольствием от спектакля. В тот раз я пришла с оперы «Царская невеста», где была одна. Соседки по комнате позвали меня на танцы, я согласилась. Вошла в Красный уголок такая вся под впечатлением, в белом платье, каштановые волосы по плечам, глаза

в пол-лица. Ну да, это у меня ноги не очень, а глаза очень даже ничего. Были. Приглашать стали сразу, наперебой, очень настойчиво, но мне не нравились мои партнеры, хотела уйти. И тут подошел тот, в которого я влюбилась сразу и безоголдно. Полтора года переживаний, страданий, разочарований, закончилось все депрессией, академическим отпуском. Чуть не бросила университет в конце четвертого курса и так и не смогла создать полноценную семью.

А танцевать все равно хотела всегда. Отец моего старшего сына сказал, что я сама его выбрала на вечеринке после лыжной прогулки в общежитии молодых специалистов в Коврове, где я работала по распределению после окончания университета. Я предложила ему станцевать потому, что он отвратительно играл на гитаре. Хотелось прекратить эту какофонию, а танцевал он хорошо. Мы еще не раз танцевали с ним в ресторанах, куда он готов был ходить каждый вечер, насколько хватало денег. Жениться на мне он не захотел, ребенок ему был не нужен. Жениться я его не заставляла, а ребенка оставила. Уехала из Коврова, вернулась в свой Вольск.

Танцевала на вечерах в санаториях. Первый раз поехала по горящей курсовке в Друскининкай, в Литву. Группа парней и девушек в большом зале клуба танцевали необыкновенно красиво. Танцевали только друг с другом, студия у них что ли. Я смотрела, любовалась, не выдержала, пригласила одного на белый танец. Он удивился, не ожидал такой наглости, но станцевал со мной. Я очень старалась не наступать

ему на ноги.

В Нафталане я была вместе с сыном, лечили его полиартрит. Сдружились с женщиной, приехавшей также с сыном. Она хромала, ходила с палочкой, поэтому соглашалась оставаться с мальчиками, меня отпускала на танцы. У меня там нашлись два постоянных партнера. С одним я танцую, второй стоит, ждет. Говорю:

– Пригласи же кого-нибудь! Смотри сколько женщин!

– Да ну их, еще нарвешься!

С отцом моего второго сына не танцевали ни разу, не довелось. Зато были письма. Много лет собирала их, хранила в старом чемодане, а в какой-то момент взяла вдруг и выкинула все.

«И не забудь, сожги сухие письма,

Как, уходя, сентябрь сжигает листья».

Сейчас письма не пишем, разве что обмениваемся сообщениями на e-mail или в «Одноклассниках».

А с Сашей танцуем до сих пор. Он прихрамывает, болит нога и разрушается сустав с детства, но это не мешает ему двигаться ритмично и красиво. Дурачились за Волгой у костра, я крутнулась вокруг себя, а он не успел отпустить мою руку. Что-то хрустнуло в запястье, долго не проходила боль. Прошла со временем, не сразу, но прошла.

Хочу танцевать!

Чистота

Домашними делами в семье Полину не слишком загружали, «успеет ещё, наработается», но к порядку мать приучала девочку с раннего детства: «Как ты можешь спокойно сидеть, когда вокруг тебя такой бардак!» Игрушки должны были быть сложены, книги ровно стоять на полке, постель аккуратно заправлена, волосы расчёсаны и заплетены в косы, одежда чистая.

Семья жила в небольшом доме, топили дровами, готовили в русской печи на нижнем этаже, туалет во дворе, вода в колонке на улице. Но чуть ли не каждое лето все переселялись в комнатку над погребом в сарае, из дома выносились вся мебель, посуда, одежда. Стены белились, полы промывались и красились. Каждая вещь, прежде чем вернуться в дом, тщательно отмывалась, протиралась, просушивалась. Небольшие комнатки светились уютом и чистотой.

Жизнь в студенческом общежитии стала для Полины настоящим испытанием, тем более она попала в комнату с крайне неаккуратными девочками. Они просто не обращали внимания на грязь, беспокоило это только Полину. Соседки не стыдились ни засыпанных мусором полов, ни разбросанной одежды, ни плесени в посуде с остатками пищи. Объясняли они свою неряшливость тем, что это же общежитие, а не дом, здесь убирать не обязательно. Правда, потом,

создав свои семьи, те девушки придерживались такого же «порядка», но это уже детали. А в их комнате завелись клопы, расплзшиеся по всему общежитию.

Примерно с тем же Полине пришлось встретиться в общежитии для молодых специалистов после окончания ВУЗа. Но здесь девушки в квартире, в которой она жила, были разные: кто-то неряшлив, кто-то аккуратен.

Личная жизнь у Полины не сложилась, ей пришлось вернуться к родителям с маленьким сыном. Отец отдал Полине дом, а сам получил квартиру и перешёл туда с женой и сыном – старшим братом Полины, также разведённым. Дом был уже частично перестроен, нижний этаж теперь имел такое же расположение комнат, как и верхний этаж. Внизу жила сестра отца Полины со своим сыном, двоюродным братом Полины. А к верхнему этажу добавилась небольшая застеклённая веранда, закрывающая лестницу.

Полина была рада вернуться в любимый дом, где всё так знакомо, дорого. Теперь она сама поддерживала здесь такой порядок, как ей хотелось. Отец провёл в дом газ и водопровод, установил в пристройке автоматический газовый котёл для отопления. Полина с удовольствием наводила чистоту в своём домике: подбеливала, подкрашивала, отмывала многочисленные окна и доски веранды.

Но отец так и не смог привыкнуть к своей новой квартире, к тому же он стал сильно пить, а брат Полины пил ещё больше. Когда не стало отца, мать Полины умолила её отдать дом

брату и перейти к ней в трёхкомнатную квартиру. Соглашалась Полина с большой неохотой, но брат обижал мать, жить с ним матери без защиты отца было невозможно, пришлось Полине поменять место жительства. Личная жизнь Полины по-прежнему не складывалась, её второй сын рос, как и первый, без отца, помощь матери при начавшейся перестройке оказалась как нельзя кстати.

Квартира матери также сверкала чистотой, старший сын Полины был приучен к порядку, а вот со вторым оказалось сложнее. В период перестройки Полине пришлось несколько раз менять место работы, брать дополнительную подработку. Мальчик чаще всего оставался с бабушкой, а бабушке проще было самой убрать за внуком, чем нервничать, приучая его к аккуратности, силы у неё были уже не те, что в молодости. Самое большее, чего могла добиться Полина от младшего сына, это чтобы он подбирал разбросанные игрушки, с размаху бросая их в большую корзину. Примерно так же он обращался со своими учебниками, книгами, тетрадками. Но голова у него работала хорошо, учёба ему давалась легко. Высшее образование он из-за своего упрямства не получил, зато очень серьёзно увлёкся компьютерами. И Полина с удивлением наблюдала, как тщательно сын протирает экран, с какой точностью и аккуратностью выполняет все работы по сборке и обслуживанию компьютера.

Мать Полины стала совсем старенькая, сил у неё не хватало ни на что. Но она до последнего просила Полину чаще

мыть ей волосы и накручивать их на бигуди.

В городе поменялся региональный оператор, отвечающий за вывоз мусора. Возле мусорных баков, а то и в любом месте на окраинах и почти в центре города стали образовываться огромные кучи из срезанных веток, сломанной мебели, сантехники, да и всего, что выбрасывается из домов и квартир и не умещается в мусорные баки. Одна из таких куч образовалась прямо под окнами Полины. Чего ей это стоило! Никакие жалобы, обращения в высшие инстанции не помогали. Кучу иногда вывозили, но она вскоре появлялась снова. Так было, пока не поменялись руководители города и области.

Мужчину, с которым Полина сошлась в более чем зрелом возрасте, когда сыновья стали полностью самостоятельными, вряд ли можно назвать аккуратным. В нём странным образом сочетается стремление к порядку и безразличие к грязи. Сначала Полина хваталась за веники, тряпки, бросалась убирать его квартиру, дом в деревне. Потом сил на это не стало хватать, с чем-то она смирилась, что-то продолжало раздражать, порой из-за этого возникали ссоры. Как же ей суметь научиться закрывать на всё глаза и не остаться одной в чисто убранной квартире?

Фамильный облик

Облик кого из наших предков унаследовали моя тётка, брат, большая семья Маркиных? Позднее эти же черты прописывались на лице троюродной сестры. Большие светлые, просто беловатые глаза, способные еще увеличиваться и даже вращаться в минуты гнева, крупный горбатый нос, густые русые, выющиеся волосы, нервный тонкий надлом высоко поднятых бровей. Я никогда не считала брата красивым, но не эти ли знакомые с детства черты вдруг заставили меня сразу безоглядно влюбиться в парня, пригласившего меня на танец в Красном уголке студенческого общежития? Мать называла это «поповской породой», хотя порода была скорее по линии бабушки. Это бабушка была коренной жительницей нашего города, вся родня была с ее стороны, дед приехал сюда учиться, работать, жить из далёкого села, о его родне я ничего не знаю.

А Маркины часто приходили к нам в гости, когда была жива бабушка, мы ходили к ним. Все высокие, статные, работающие. Самый старший из них дядя Петя со своей неизменной поговоркой: «Молчи, сноха, меньше греха!» Какой-то артистизм был во всех них без исключения.

Тётя работала медсестрой в детской больнице, но во многих общественных местах вела себя, как на сцене театра. Говорила и смеялась преувеличенно громко, с лёгкостью заго-

варивала с незнакомыми людьми. На неё невольно обращали внимание, её это не смущало, ей нравилось такое поведение. А маму это возмущало, она терпеть не могла свою золовку. У тётки был несильный, но приятный голос, мне нравилось слушать её пение. Пела она не только в компаниях или в хоре, но и когда делала какую-то работу в доме, во дворе. Отец тоже отдыхал и работал с песнями, я с детства запомнила огромное их количество, узнаю их во многих исполнениях. К песням мама тоже относилась с неодобрением: «Чего орёт!»

Брат унаследовал семейный облик, артистизм, любовь к пению, вот только работать он не любил, предпочитал полежать с книгой на диване, пусть другие работают. Его мама во всём защищала.

А у меня нет ничего от семейного облика, кроме любви к пению и, возможно, некоторого артистизма, о котором я не подозревала до старости. То есть петь и выходить на сцену мне всё время хотелось, но я была очень стеснительная, зажатая, раскрепостилась только в преклонном возрасте, когда перестала мучительно задумываться над тем, что обо мне подумают и скажут люди. В моих детях и внуках семейный облик не проявился. Но, может быть, ещё в ком-то проявится?

Смотрю на такие родные лица на фотографиях, жаль, что всех их давно нет.

Хлеб

Ирина Ивановна приоткрыла хлебницу. Ну вот, опять! Недавно купленный хлеб покрылся пятнами плесени, есть его невозможно. Выбор хлебно-булочных изделий сейчас велик, чего только нет, бери что хочешь. Но хранить большинство этих изделий нельзя. На них появляется черная или розоватая мохнатая плесень, они превращаются в мокрую, липкую массу с неприятным запахом. Куда их? Даже кур таким хлебом не накормишь. Хороший хлеб может подсохнуть, превратиться в сухари, но не в плесень же!

В детстве Ирина с подружками забегала после уроков в продовольственный магазин напротив школы. На оставшиеся от завтраков деньги девчонки покупали половину буханки черного хлеба, соленую кильку и с удовольствием уплетали это по дороге к дому. Им не хотелось расставаться, они останавливались на углу, от которого им было нужно расходиться в разные стороны, и продолжали обсуждение своих девичьих секретов. Каким вкусным казался им тот черный хлеб с килькой!

Позднее Ирина училась в областном городе, жила в общежитии. Денег студенткам не хватало, тем более ее соседки по комнате были из многодетных семей, родители немногим могли помочь дочерям. Девушки ходили подрабатывать по ночам на местный хлебный комбинат. Там ощущалась

нехватка рабочих рук на конвейере особенно в ночные смены, брали на выручку студенток. Они мылись в душе, получали белые, похожие на ночные, рубашки, прятали волосы под косынки и шли в огромный цех. Здесь выпекался хлеб двух видов: черные круглые буханки и белые прямоугольные кирпичики. Сложные операции девочкам не поручали, чаще всего они смазывали специальной кистью круглые формы для черного хлеба или бросали куски теста в формы для белого хлеба. Круглые формы, сцепленные по две, передвигались по ленте конвейера. Иногда они сталкивались, грохотались друг на друга, нужно было как можно скорее разобрать этот завал. А ряды форм для белого хлеба поворачивались в колесе перед другим конвейером. По ленте конвейера передвигались куски теста, ими быстро закидывался ближайший ряд желательно без пропусков. У не слишком расторопных работниц кусок теста мог дойти до конца ленты и сорваться на бетонный, маслянистый пол. Девушки подбирали тесто и бросали в форму. Но здесь хотя бы тесто шло в печь, высокая температура уничтожала все возможные микробы. Хуже, когда для уже готового хлеба не хватало лотков, на которые его перекладывали с большой крутящейся платформы. Хлеб складывали на застеленный бумагой пол, иногда и рядом с бумагой. Но какой удивительно вкусный был тот свежий, ароматный хлеб! Разламываешь горячую буханку, запиваешь холодным молоком. Какое блаженство!

Такой же вкусный горячий хлеб Ирина ела в Ставропо-

ле, где она училась на специализированных курсах программистов. Продавали горячий хлеб в окошечке пекарни рядом с общежитием, в котором их разместили. В Минске, учась на подобных курсах, она покупала обычный, не горячий хлеб в магазинах. Тот хлеб мог лежать неделю и больше, черствел, подсыхал, но никогда не плесневел.

Еще раз удивительный горячий хлеб Ирине удалось попробовать в монастыре в Пайгарме. Купили две буханки и одну сразу же съели, целиком, не отрываясь.

Можно, конечно, печь хлеб дома в духовке или купить специальную хлебопечку. Но вряд ли вкус такого хлеба сравнится со вкусом хорошо пропеченного фабричного хлеба с хрустящей румяной корочкой. Где вы, настоящие мастера? Неужели никого не осталось?

Зачем ты вернулась?

*Дай Бог, чтобы твоя страна
тебя не пнула сапожищем.*

*Дай Бог, чтобы твоя жена
тебя любила даже нищим*

(Евгений Евтушенко)

Он сидел за маленьким столиком в темной пристройке его, нет, уже не его дома. Очень сильно пьяный, как часто в последнее время. Татьяна уже не контролировала себя, обида и боль застилали глаза, мутили разум.

– Я убью тебя, если что-то случится с Андрюшей!

– А я и не знал, что ты такая злючка. Мать говорила, я не верил.

– Ну и хорошо, что узнал!

– Зачем ты вернулась сюда? Я же люблю тебя!

– Вы мне всю жизнь переломали своей любовью!

В этот же день его не стало, и все чудовищные, несправедливые слова, сказанные Татьяной, остались на ее совести.

Зачем же она вернулась? Но как можно было продолжать работать в одной лаборатории с тем, кто был так близок, но отказался от нее и от их общего сына? Видеть его каждый день, разговаривать, если это требуется по работе? Она не смогла, вернулась к родителям в этот маленький городок на Волге. Ее родной городок.

Отец помог ей устроиться на работу, помогал растить сына, а она не смогла помочь отцу, удержать его от тяжелого пьянства. Что теперь вспоминать, как это начиналось. Постоянные компании, самогонный аппарат, рюмки за ужином «для аппетита». Мать не удерживала, она сама тянула его в эти компании и не понимала, что остановиться, перестать пить самостоятельно он уже не может. Так же, как их сын, брат Татьяны. И обращаться куда-то за помощью бесполезно. Ну, разберут на партийном собрании, исключат из партии, уволят с работы. Существовали лечебно-трудовые профилактории – ЛТП, но пользы от них никакой. Разве что кратковременная передышка для родственников, никого эти ЛТП не вылечили. Отцу надо было уйти из семьи, порвать со своими компаниями, уехать. Такая возможность у него была, та женщина могла ему помочь, но он не смог оставить Таню и Андрюшу, Андрюша тяжело заболел. Андрюша очень любил деда, подражал ему во всем, как тут было не беспокоиться. И все, что отец нес на своих плечах, свалилось на Татьяну – упрямая, истеричная мать, безвольный и ленивый брат, больной ребенок. А в стране началась перестройка.

Второго ребенка без мужа, против чего так восставали ее родители, Татьяна все-таки родила, и это оказалось ее спасением. У нее не было времени на тяжелые раздумья, мучения, дети и работа не оставляли ни одной свободной минуты, иначе бы она ушла из жизни вслед за отцом.

Их область никогда не была богатой и благополучной. Первые секретари, а потом и губернаторы, выслуживаясь перед центром, обдирали своих жителей до предела, набирали огромные кредиты и уезжали на повышение, передавая долги тем, кто остался. В перестройку они вообще получили полную свободу, можно было не платить зарплату, пенсии, пособия. На эти деньги закупались товары за рубежом и открывались магазины. В сохранении и развитии предприятий с изношенным оборудованием не заинтересован был никто.

Специальность у Татьяны оказалась востребованная, она работала программистом, тогда их в городе было очень мало. Компьютеры только стали появляться, к ним относились с недоверием, и не все были способны научиться на них работать. Тем более люди пожилого возраста, уже с трудом воспринимающее новое. Татьяне звонили, предлагали работу, но предприятия разваливались одно за другим. Место работы ей пришлось поменять несколько раз. Два раза Татьяна отказывалась от хорошо оплачиваемой должности, «выбитой» специально для нее на последнем перспективном предприятии. В первый раз она не смогла бросить незавершенную работу, нарушив все договоры. Если она бралась за какую-то задачу, то привыкла ее выполнять. Во второй раз нужно было трудоустроить Андрюшу, оканчивающего университет. Он мог бы остаться в областном городе, но вряд ли смог найти там работу по специальности без чьей-то помощи. И жить там на съемной квартире неизвестно сколько лет

было нелегко. Ждать полгода ее или сына на том предприятии, конечно, не смогли.

Второй сын Татьяны тоже стал, в конце концов, программистом, хотя начинал учиться на физическом факультете университета. Закончить учебу он не смог из-за бандитского нападения и ножевого ранения и тоже вернулся в свой родной город к матери.

Тут бы радоваться: сыновья рядом, трудовую деятельность Татьяна закончила, можно отдохнуть. У Андрюши хорошая семья, растут внучка и внук. Младший сын жениться не торопится, но увлечен работой, он хороший специалист, его ценят. Но ценят, как и старшего, в основном морально. Да и ее пенсия, несмотря на большой рабочий стаж, звание «ветеран труда» такова, что едва хватает лишь на питание и оплату постоянно растущих коммунальных услуг. Нужно ли было удерживать сыновей здесь, где у них почти нет перспектив для роста? Пусть уезжают в другие, более богатые области или за границу, жизнь у каждого одна.

Но что там, в больших городах, почему люди так стремятся туда? Больше возможностей трудоустройства, театры, музеи. А часто ли москвичи ходят по театрам и музеям? Если по два часа добираться на работу и с работы, остается ли время на театры, даже в выходные? И хорошо, когда работа интересная, а то ведь работают парикмахерами на вокзалах, имея высшее образование, лишь бы не уезжать из Москвы. Тесные потоки людей в транспорте, в магазинах, толкаются,

прижимаются, все время куда-то спешат, опаздывают. А этот столичный снобизм, пренебрежительное отношение к провинциалам? Хотя во многом благополучие этого города держится на провинции, в столицу направляются денежные потоки со всех сторон.

Или за границей. Кто-то находит себе место, легко вписывается в окружающую жизнь. Но это все равно чужие страны, чужой язык, чужие обычаи. И почему некоторые так долго не могут успокоиться? Уехал ты в обетованную, свободную страну, ну и живи там Нет, им еще нужно показать свое превосходство, покрасоваться перед «быдлом», поучить их уму-разуму. Наверняка ощущают себя там людьми второго сорта, так хотя бы здесь отыграться. А то и отрабатывают заплаченные за определенную работу доллары.

Конечно, дети и внуки сами решат для себя, что они хотят и где им лучше, удерживать и уговаривать их Татьяна больше не будет. Каждый выбирает для себя.

День учителя

Тяжело об этом писать, но все-таки рассказываю в назидание другим. Возвращаюсь теперь уже в далекие восьмидесятые годы, а начиналось все значительно раньше.

Цены на водку постоянно повышали. Для меня это не имело большого значения, а вот для родителей, привыкших свободное время проводить в застольях в компании друзей, значение имело. К тому же бутылки у нас являлись самой ходовой валютой, которой расплачивались за многие работы и услуги. А отец проводил сначала газ, затем воду в свой частный дом. Денег и бутылок на это требовалось много, тогда-то им и показали, как можно гнать самогон. Попробовали раз, другой, потом уже это производство стало у них постоянным. Перегонялась одна фляга браги, тут же ставилась следующая партия. Дрожжи тогда также являлись дефицитным товаром, но у отца была возможность их находить, а вскоре он научился заменять их томатной пастой. Бутылки с самогом стояли у отца везде. Сначала он пил только в компании друзей или с матерью, а позднее стал пить и в одиночку, приходя с работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.